

Оглавление

Глава первая	
<i>Москва загорается</i>	5
Глава вторая	
<i>Почтенный дядюшка героини нанимает необычного слугу. — Новый комендант Москвы и его первые шаги на этом поприще</i>	26
Глава третья	
<i>Князь Белозерский с достоинством встречает перемену своей судьбы и заключает сделку с ростовщиком. — Раздоры в благонаравном семействе. Родительская любовь и сервиз на двести персон</i>	51
Глава четвертая	
<i>Елена посещает свой первый бал. Легко ли добраться от Коломны до Москвы? — Чувствительный дядюшка и неблагодарная племянница</i>	87
Глава пятая	
<i>Один большой прием и несколько маленьких скандалов</i>	124
Глава шестая	
<i>Юная героиня узнает цену старым клятвам</i>	155
Глава седьмая	
<i>Детские шалости и взрослые странности</i>	185

Глава восьмая

*Как трудно добиться правосудия и как легко
получить совет* 212

Глава девятая

*Как преступление, совершенное во имя дружбы,
может обернуться во благо. — Ночь в библиотеке. —
Мадам Тома неожиданно теряет дядю
и отправляется в путешествие* 247

Глава десятая

*«Ужин холостяков» и ужин, который отменила
смерть. — Погоня начинается* 270

Глава одиннадцатая

*Как можно посвататься к одной невесте,
а жениться на другой* 303

Глава двенадцатая

*Сожженная рукопись. — Шоколадный чертик. —
Бенкендорф обретает союзницу там, где не мог
ожидать. — У Цезаря появляется новая хозяйка* 334

Глава тринадцатая

*Легко ли сочинять стихи по-русски? — Вилимка дает
показания. — Как филин и змея могут избавить
от уплаты старого долга* 359

Глава четырнадцатая

Все дороги ведут в Санкт-Петербург 387

Глава первая

Москва загорается

С часу на час ожидали французов, последние обозы покидали Москву, а по улицам сновали подозрительные люди, сильно смахивающие на мародеров. Из каких нор и щелей они выползли в это смутное время — неизвестно, но страха в их наглых сверкающих глазах не было. Из разверстой подворотни слышались стоны умирающих солдат. Им суждено было умереть на чужом дворе, без воды и перевязок, без защиты от врага, без последнего причастия. В их слабеющие голоса резко врывался хохот какого-то безумца, выпущенного на свободу из дома умалишенных.

В это погожее сентябрьское утро графиня Антонина Романовна Мещерская упорно искала мужа. Она почти отчаялась и все чаще прикладывала к вискам платок, смоченный одеколоном. Не помогало. Гонцы, разосланные по всей Москве, возвращались или с вестями настолько бестолковыми, что их и понять нельзя, или пьяными — повсюду были разбиты винные погреба. А то приходили вовсе без вестей. Однако надежды она не теряла. «Отчаиваться грех! — Графиня снова растерла платком ноющие виски, поправила седеющие волосы под кружевным чепцом. — Я — жена и мать! И если

суждено мне будет носить траур, я надену его, только когда увижу графа мертвым. А он...» Мальчишка Шуваловых сказывал недавно, что видел Дениса Ивановича Мещерского тяжело раненным, без сознания. Будто бы везли его к Донскому монастырю. Сама графиня Шувалова отбыла в деревню еще пятого дня, не дождавшись вестей об исходе Бородинского сражения. «От страху-то речей лишилась, — с презрением подумала Мещерская. — Сына даже не дождалась. Польстятся на нее французы — как же! Всегда была блажная!»

Сын Шуваловой, граф Евгений, служил при штабе Барклая и, отступая вместе с армией, уже не застал матушки в Москве, однако ж повидался с Мещерскими. Антонина Романовна угостила его как смогла. Просила прощения за скромный стол, накрытый кое-как, всплакнула даже — ей ли, хлебосольной московской хозяйке, так принимать гостя! Вот уж времена настали — ни подать, ни принять некому... Молодой граф удивлялся, зачем Денис Иванович ушел с ополчением, когда другие в это время увозили своих домочадцев подальше от войны? «Он не верил, что Москву оставят! — в слезах оправдывала мужа Антонина Романовна. — Не желал в это верить, голубчик мой!»

Да, еще недавно многие не верили, обманутые бодрыми афишками генерал-губернатора Ростопчина, призывавшего не покидать Первопрестольной. Ведь уверяли все — и царь, и Кутузов, что Москвы не сдадут. И вот... Ох, как была права ее институтская подруга Олсуфьева! «Какая же ты легковерная, Тоня! — выговаривала она еще весной. — Охота тебе слушать этого красная Ростопчина! Он только людей морочит, умней Господа Бога хочет быть. Говорю тебе, уезжай, а то поздно будет, все из Москвы забирай!..» Деревня их всего в тридцати верстах от города. Отправили бы туда

имущество, целее было бы... Так ведь Денис Иванович ничего слышать не хотел. «Ежели Москва не уцелеет, где уцелеть деревне! — И, обняв на прощание супругу, добавил: — Не до того теперь, матушка... Право, не до того... Оставим все как есть, Бог поможет». Сколотил из дворовых людей небольшой отряд, на собственные деньги обмундировал и вооружил своих крепостных и отправился воевать. В глаза его называли героем, за глаза — чудачком.

Во время визита молодого Шувалова дочь Мещерской, Елена, поглядывала на гостя не без смущения. Она то покусывала пухлые нежные губы, то теребила завитые локоны, то оправляла платье... Мать несколько раз взглянула на нее строже, чем обычно. Елена даже не заметила этого. Ее ясные, распахнутые на пол-лица глаза были прикованы к НЕМУ. Евгений в военной форме казался ей чужим, незнакомым, ГЕРОЕМ, призванным их спасти, а вовсе не тем мальчуганом, которого с малолетства все знакомые дразнили ее женихом. Когда два месяца назад он уезжал на войну, они впервые поцеловались. Тихо, целомудренно, при всех — в честь помолвки. Она едва почувствовала тогда прикосновение его горячих губ, голова затуманилась, сердце забилося чаще. После оба не могли поднять друг на друга глаз. Нынче все было по-другому. Война изменила Евгения. Он разом повзрослел, сделался хмурым, серьезным. Он стал мужчиной, и девушка почти боялась его. Он уже не был домашним, милым, московским, родным. От него пахло войной.

— Это безумие — оставаться в городе! — убеждал он графиню. На Елену не глядел, и та в смятении теребила ленты на поясе муслинового платья — нарядного, надежного для жениха. А он и не заметил...

— Я жду весточки от мужа, — отвечала Антонина Романовна. — Если к утру не получу, то отправимся с Богом. Карета уже заложена.

Графиня встала и вышла, держась прямо и твердо, но Елена знала, что матушку душат рыдания. В последние дни в доме Мещерских плакали часто. Евгений как будто впервые заметил Елену, но в его темных глазах невозможно было что-либо прочесть, они смотрели сквозь нее.

— Может быть, уже не свидимся. Не поминайте лихом вашего суженого. Много суженых нынче падет. Невест останется больше, чем женихов. Я освобождаю вас от данного слова.

— Что за глупые мысли лезут вам в голову, Эжен?! — вспыхнула она и тут же покраснела. Как сухо говорил он! Разлюбил?!

Ночью ей привиделся Евгений. Она привскочила на постели, прижимая к груди скомканное одеяло. Отбросила его на пол, упала со вздохом на подушку. Он снился прежним и был в штатском. Только весь в крови. Граф просил у нее прощения. Она уже не помнила за что, но на сердце вдруг сделалось так тяжело...

А наутро снова прибежал вихрастый мальчишка Шуваловых. С веселым криком «Отыскался ваш граф Денис Иванович!» он влетел в гостиную, где шли последние приготовления к отъезду. Елена в это время вместе с нянькой, старухой Василисой, упаковывала любимые батюшкины графин и рюмки из баварского рубинового стекла. Матушка ни за что не хотела оставлять их французам. «Пускай лучше в дороге поколотятся, — в сердцах приговаривала она, — да только не буду потчевать врагов!» Василиса одобрительно при этом кивала головой и шамкала беззубым ртом: «Куды ж аршинников потчевать! Может, еще и христосоваться с ними?» Французов

она звала аршинниками по той простой причине, что бывала иногда с господами в модных французских магазинах, о которых потом говаривала: «Деру-ут! За такой пустяк дерут, что, тьфу, сказать совестно! А все лучше русских, потому француз хоть и сдерет, а не обмерит, а с нашего и не спрашивай! У него и вершок за аршин в базарный день идет!» Поэтому особого разбоя со стороны французов Василиса никак не опасалась и к общей панике относилась с видимым презрением.

— Жив ли? — всплеснула руками Антонина Романовна, услышав принесенную весть.

Мальчишка вытер нос широким рукавом рубахи, потупил взор и пробасил:

— Не знамо...

Уже по его голосу, по этим глазам, опущенным долу, Елена почувствовала — надвигается что-то страшное, неминуемое. Ей стало душно, как давеча во время сна. Любимый отцовский графин выскользнул из рук, рассыпался на тысячу осколков. Паркет словно обрызгали кровью. Василиса размахисто перекрестилась: старухе это показалось дурным знаком, хотя, как известно, посуда бьется на счастье. Она тотчас принялась собирать осколки в подол платья.

— Брось! — резко приказала ей Антонина Романовна. — Не до того теперь!

Трудно пришлось Михеичу, старому кучеру Мещерских, понукавшему четверню разномастных лошадей, плохо покормленных в дорогу. Карета двигалась навстречу людскому потоку и потому очень медленно. А поток бурлил, гремел, визжал, сметая все на своем пути. Это бежали из города простые горожане, не желавшие хлебосольствовать с врагом или быть поджаренными на углях собственных домов. Из уст в уста пере-

давалось послание Ростопчина Кутузову, в котором тот обещал превратить Москву в пепел. Вывозимые из города пожарные трубы красноречиво подтверждали слова генерал-губернатора. Эти трубы ужасали людей чуть ли не больше французской угрозы. Некуда было бежать простым людям, а все равно бежали. Михеич наконец смекнул своротить на тихую улочку, ведущую к Донскому монастырю. Здесь было свободней. Шуваловский мальчишка, сидевший рядом на козлах, внимательно смотрел по сторонам, вглядываясь в дома.

— Такой большой, в два этажа, — пояснял он Михеичу.

— Казенный, что ль? — Михеич смотрел на парня свысока, надменно прищурился одним глазом.

— Вроде бы... — пожимал плечами мальчуган. — Мы не знаем.

— Коли казенный, знать, дохтур имеется, — глубокомысленно изрек старик.

— Вчерась, говорят, был, — с олимпийским спокойствием подтвердил мальчишка и, утерев рукавом нос, прибавил: — А сегодня никак убёт.

— Как это «убёт»? Не может того быть! Чаво языком зря мелешь! — С досады кучер стеганул лошадок, и те пошли быстрее.

Антонина Романовна не отрывала глаз от окна кареты. Люди, убегавшие из города, производили на нее странное впечатление. Она вполне понимала чувства и страхи, которые ими движут. Но в то же время не могла отделаться от мысли, что они похожи на крыс, а Москва, ее многострадальная Москва — на тонущий корабль, который уже невозможно спасти. В глазах графини появилось что-то новое, пугавшее Елену. Она чувствовала, что прежняя милая, мирная и домашняя маменька стала другой — по-военному суровой. «Вот

и Евгений вчера был совсем другой. Неужели мы все станем другими? И папенька, и маменька, и я, и даже вот Михеич и нянька?» Елена робко держала мать за руку и умоляла не волноваться. Все образуется. Они увезут папеньку в деревню. Там он быстро поправится. Он сам всегда говорил: «Деревенский воздух — лучшее лекарство. О том в любом календаре писано...»

— Вона! Вишь? — закричал шуваловский мальчишка, приподнимаясь на козлах.

Впереди показалась изба, почерневшая от времени. Каким образом сохранилось это допотопное сооружение, поставленное здесь еще во времена царицы Софьи, оставалось загадкой. Слюдяные окна, редко где уцелевшие в Москве, зловеще тускло отражали солнечный свет и глядели недобро. Сама изба походила на подслеповатую старуху в полусгнивших кружевах. За деревянными покосившимися воротами открывалась поистине ужасная картина. Весь двор и даже крыльцо были устланы мертвыми телами. Тошнотворный запах тления уже завладел этим злосчастливым местом. Из дома доносились стоны и крики раненых, но двор... Двор был мертв. Ни одной живой души.

Графиня, пораженная этим зрелищем, встала в воротах как вкопанная. И вдруг чуть качнулась — не то от трупного духа, не то от ужаса. Михеич стянул с головы шапку, с которой не расставался даже в самые жаркие дни. Елена, несмотря на подступивший к горлу ком, нашла в себе силы преодолеть страх.

— Что стоишь? — обратилась она к мальчишке. — Показывай!

Опустив голову, он молча указал на телегу посреди двора. Была еще надежда, что этот шалопай обозначил и принял за графа Мещерского кого-то другого. Виданное ли это дело, чтобы офицер, потомок знатного рода,

оказался вот так на телеге с соломой посреди незнакомого двора, всеми забытый?

Денис Иванович лежал с широко открытыми глазами, устремленными в небо. Не было в его взгляде ни страдания, ни укора, разве что удивление пред вечным престолом, к коему устремилась его душа. Михеич, смахнув слезу и перекрестившись, закрыл глаза своему господину, шапкой отогнал от его застывшего лица жадных неторопливых мух, густо роившихся во дворе. Елена крепко обняла мать, прижалась к ней всем телом, ища защиты, но графиня не смогла устоять на ногах. С криком отчаяния повалилась наземь и зашлась рыданиями. Сама Елена плакала, не замечая этого. Она бросилась к матери, попыталась поднять ее дрожащими слабыми руками, а в голове у нее стучало: «Вот это война! Вот это уже война!»

На крик Антонины Романовны из дома вышел монах с изможденным лицом. Вроде бы не старый, но волосы и борода седые. Руки его были в крови, по лицу крупными каплями катился пот. Монах послал мальчика к колодцу за водой. Антонина Романовна пила прямо из ковша, и было слышно, как стучат в лихорадке ее зубы. Елена гладила матушку, ласкала, но та никак не могла уняться. От монаха они узнали, что граф скончался еще вчера вечером. А ночью доктор и сестра милосердия на случайно подвернувшейся подводе увезли несколько раненых, безнадежных оставили здесь умирать.

— Пришли последние времена, — заключил монах свой грустный рассказ. — Некому лечить раненых, некому отпевать усопших... Доктора убегают от больных, священнослужители — от своих прихожан...

Преосвященный Августин, архиепископ Московский, бежал, захватив по приказу царя иконы Иверской и Владимирской Богоматери. Его кортеж застрял на